

Екатерина Тогонидзе
Роин Агрба
Тамерлан Тадтаев
Гунда Сакания
Тамара Терашвили
Мариам Хидешели
Алан Цхурбаев
Дато Турашвили

ПЕРВЫЙ ШАГ

პროექტი დაფინანსებულია
ევროკავშირის მიერ

ПЕРВЫЙ ШАГ

პროექტი დაფინანსებულია
ევროკავშირის მიერ

United Nations Entity for Gender Equality
and the Empowerment of Women

ООН-Женщины (UN Women) является агентством Организации Объединенных Наций, работающим по продвижению гендерного равенства и повышению потенциала женщин. Организация была создана для того, чтобы защитить интересы женщин и девочек по всему миру и содействовать удовлетворению их приоритетов.

ООН - Женщины оказывает поддержку государствам-членам ООН в процессе разработки стандартов по обеспечению гендерного равенства в целом; сотрудничает с правительствами и гражданским обществом в процессе создания этих стандартов, соответствующего законодательства, политики, программ и услуг.

ООН - Женщины способствует равноправному участию женщин во всех сферах жизни и акцентирует внимание на пяти ключевых областях: лидерство и участие женщин в общественной жизни; искоренение насилия в отношении женщин; обеспечение участия женщин во всех аспектах процессов мира и безопасности; расширение экономических возможностей женщин и интегрирование принципов гендерного равенства в качестве важного приоритета в процессе планирования развития и бюджета страны.

Наряду с этим, ООН – Женщины координирует и способствует работе в сфере гендерного равенства в системе Организации Объединенных Наций.

Мнения, выраженные в этой публикации, принадлежат авторам и могут не совпадать с позицией ООН- Женщины, Организации Объединенных Наций или какой либо из ее организаций-членов.

Публикация подготовлена в рамках проекта ООН-Женщины “Инновационная инициатива по обеспечению гендерного равенства”, при финансовой поддержке ЕС.

Содержание данной публикации является предметом ответственности исключительно ее авторов и ни в коем случае не должно рассматриваться как позиция ЕС.

Перевод: Георгий Аскурава
Редакторы: Тамила Аршба, Мака Камушадзе

СОДЕРЖАНИЕ

КОНКРЕТНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ Лаша Бугадзе	4
СИМФОНИЯ ПЛАНЕТ Екатерина Тогонидзе	8
ГОРЯЧИЙ АВГУСТ 8-ГО Роин Агрба	17
ВЕРТОЛЁТ Тамерлан Тадтаев	23
ВИКИ, СУХУМ(И), БАРСЕЛОНА Дато Турашвили	29
КОГДА ПЛАЧЕТ РЕБЕНОК Гунда Сакания	34
НЕКУДА ОТСТУПАТЬ... Тамара Терашвили	34
ВОРОБЕЙ Мариам Хидешели	44
СЛАБАЯ АРГУМЕНТАЦИЯ Алан Цхурбаев	48

КОНКРЕТНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ

Самым неловким было то, что мы почти ничего не знали о них.

Кто «они»?

«Они» – это годы отчуждения, страха, обиды, отсутствия интереса, угроз, раздражения, презрения... Годы стереотипных представлений, ставших наследием девяностых... Это события, захороненные в мертвых лозунгах, цитатах и определениях: «Абхазия наша боль», «Восстановление территориальной целостности», «Сепаратисты», «Мы, конечно, вернем потерянные территории»...

Более двадцати лет гремит над нами «Абхазия наша боль»! Мы это слышали неисчерпаемое количество раз и в различных формах... И давно уже ничего не болит, когда мы снова и снова где-то слышим или видим нечто подобное.

Эти мертвые слова полностью изгнали настоящие истории людей.

Несколько лет назад я увидел выцветшие слова, написанные на плакате подобном рекламному баннеру: «Не забудем Абхазию».

Помню, я подумал: «Для кого эта надпись? Кто должен помнить? Или что?»

Что мы знаем о войне? Что мы храним, а что гоним из памяти? Или что мы знаем о «них» – о сегодняшних абхазах и осетинах – кроме того, что предлагают нам такие же поверхностные или идеологизированные СМИ, как и мы сами?

Оказалось, что лично я не очень-то и много знаю о «них».

15 октября 2014 года в Стамбуле я впервые встретил настоящих абхазцев из Сухуми и осетин из Цхинвали и Владикавказа и был шокирован при первой же встрече – абхазы тепло и с улыбкой встретили нас, а один из осетинских участников сразу же заговорил со мной на грузинском языке. И у них не было автоматов; и на лбах и щеках не был нарисован красной краской анфас Путина; они выглядели и вели себя в точности так же, как и я.

С одной стороны, мой профессиональный опыт, а с другой стороны, опыт людей других профессий, привыкших к подобным встречам, который раз убеждает меня, что писатели и, возможно, люди, которые близки к искусству, гораздо легче и быстрее находят общий язык, чем даже повидавшие на своем веку журналисты или, если хотите, политики.

Тем не менее, несмотря на мою убежденность, что писатели - самые гуманные люди на земле, до сих пор удивляюсь, что и абхазы и осетины смеялись тому же, чему и мы – грузины и им не нравилась та же еда, что и нам и как читатели романов самого известного в Турции писателя, они хотели побывать в Стамбуле там же, где и мы.

Конечно же и мы не были похожи на некоторых грузинских писателей или активных социальных животных под маской общественных деятелей девяностых годов, которые с инфантильной жестокостью и безответственностью требовали, чтобы «Апсуа вернулись туда, откуда пришли» и чтобы «Осетины за один день ушли с грузинской земли».

Таким образом, предыдущие представления, даже если таковые и имелись, в момент знакомства потеряли всякую актуальность.

То, что проблемы есть у региона, а не у нас, было видно и до приезда в Стамбул: наша встреча была перенесена (абхазы выбирали президента), а один писатель из участников, направляющийся в Стамбул через Грузию, был остановлен в Тбилисском аэропорту и возвращен назад в Россию - будучи, якобы, бывшим боевиком.

«Писатель-боевик», в конце концов, добрался до нас с двухдневным опозданием и долго смешил всех, рассказывая о своих мучениях: как ему пришлось сменить четыре рейса (при том, что он категорически не переносит самолет) и как он боялся, что теперь грузинская полиция в аэропорты всего мира разошлет его фотографии с пометкой «старый боевик». Не знаю, отразится ли это новое приключение в каком-либо из его рассказов или фильмов, но тот текст, который он написал для нашего сборника, однозначно стал одним из моих любимых рассказов.

Запомнился рассказ одного замечательно молодого писателя из Владикавказа о том, как он и его родители были вынуждены уехать из Грузии

в те самые девяностые, так как, оказалось, что они очень испугались грузинского национализма.

Я пишу «оказалось», так как то, что для нас – грузин было просто словами, для других представляло собой судьбоносную опасность; когда для нас чей-то «национализм» был всего-навсего риторикой, то негрузин он побуждал бросать свои дома и навсегда уезжать из страны.

Может это и не происходило тотально, но мне кажется, что те, кто проповедовал этот этно-фашизм, то ли представляли малую, но, к сожалению, влиятельную часть нашего общества, то ли выполняли задание спецслужб одной, неуказанной в этой книге страны, но фактом остается то, что и женщины и мужчины, опьяненные ощущением собственного национального превосходства и без вмешательства и влияния спецслужб, неустанно выкрикивали губительные для новорожденного государства лозунги.

Не забуду слов одного из участников, который вновь напомнил мне до банальности простую мудрость: постарайся поговорить с тем, с кем когда-то воевал твой народ или твоя страна (или то, что тогда называлось твоим государством). Но только не так, как призывают нас это делать высокопоставленные чиновники той неупомянутой страны (мол грузины с абхазами и осетинами должны говорить напрямую) и которые, возможно, больше всего и стараются, чтобы этот контакт не состоялся, а по существу понять, что в Абхазии и Южной Осетии живут живые люди – со своими принципами и историей. Точно так, как нас, граждан Грузии, раздражает уверенность российских правителей в том, что грузинские проблемы должны решать они и запад, а не сами грузины, так и для абхазского и осетинского общества оскорбительно, когда грузинские власти неустанно повторяют одно и то же – что нет смысла говорить с абхазами и осетинами.

Можно много спорить по поводу того, с кем стоит, а с кем не стоит говорить об этом, но я точно уверен в одном, что я не знаю, где чья судьба решается, потому что у каждого своя судьба – как у человека, так и у всего народа. И если есть возможность, чтоб тебя услышал хоть один человек, воспользуйся этим случаем, так как за этим одним всегда последует второй и третий.

А в Стамбуле нас было не один или два – нас там было аж полтора десятка.

А так как большинство из нас были писателями, естественно, нужно было о чем-то писать. И так как война и роль женщины во время войны были нашими основными темами, я в роли со-модератора (вместе со мной эти встречи вела ирландская писательница Сьюзен Маккей) встречи разделил братьев по перу на пары и попросил их рассказать друг другу о войне и собственном опыте во время войны. Затем я предложил им обмениваться воспоминаниями и каждый из них должен был рассказать историю другого от первого лица. А именно: абхазский писатель должен был рассказать историю грузинского писателя, грузинский – абхазского, осетинский – абхазского и т.д. В результате, писатели посредством текста (и других более сенситивных инструментов) освоили чужой опыт и написали то, что мы опубликовали в этой книге. Некоторые придерживались этих принципов в большей, а некоторые в меньшей степени, однако, в конечном итоге мы получили восемь важных, исключительно индивидуальных по голосу и стилю рассказов, прочитав которые, я уверен, мы лучше узнаем как авторов, так и самих себя.

И последнее. Мы не смогли бы познакомиться друг с другом, если бы не «ООН-Женщины», умным сотрудникам которой и принадлежит эта идея – чтобы именно писатели встретились между собой и за словами последовала хотя бы эта книга, как конкретный результат.

И поэтому, именно их мы благодарим особо!

Остальное в книге.

ЛАША БУГАДЗЕ
Писатель

СИМФОНИЯ ПЛАНЕТ

ЕКАТЕРИНА ТОГОНИДЗЕ

Здесь никто не лжет. Никто ни о чем не сожалеет, не радуется и не скучает... Здесь нет ощущения времени, не существует точки отсчета. Здесь тишина.

Аудиозаписи НАСА оказались ложными... Так же, как и многое другое на этой земле.

Та женщина, Асида, рассказывает о себе... Не так, как говорят обычно люди; подбирая тон, слова, иногда прерывая и продолжая снова мысль, инстинктивно следя за реакцией слушателя; здесь было все по другому. Здесь история рассказывается сама. Эта женщина и есть – история по имени «Асида»; история без начала и конца...

Итак, я есть история «21». Я не была Асидой, так как я никогда не была этой историей, и я стыдилась этого. Совесть мучила меня за то, что я никогда не убегала из своего дома, никогда не оставалась только в летнем платье и сандалиях, никогда не бежала за тронувшимся автобусом, перевозившим людей в безопасное место, рядом со мной не сидела отчаявшаяся женщина с двумя детишками на руках, четырехмесячными близнецами, а значит, на последней остановке автобуса эта женщина не спрашивала меня, куда же мне деться...

Да, об этом рассказывала Асида. О том, как началась война, о том, как она узнала об этом по телевизору, как и многие другие. Она была в гостях у тети и бабушки, обедала. Через несколько минут послышался стук в дверь и появился ее муж с автоматом. Муж Асиды был художником, он в первый, может быть, раз в жизни держал автомат в руках. Все происходило быстро, необдуманно. Сначала была только растерянность и стремление к борьбе,

согласно полу и возрасту...согласно достоинству... У Асиды и ее мужа не было ребенка. Когда во дворе дома Асида увидела женщин с детьми, прижатыми к груди и какими-то вещами в руках, у нее сжалось сердце. В автобусе, на котором должны были эвакуировать женщин и детей, все места были уже заняты – она подумала, что спасения больше достойны женщины с детьми. В течение нескольких лет ее беременность не раз прерывалась по неопределенным причинам. Кто знает, почему им не дано было родиться ... Аудиозаписи НАСА, воспроизводящие звуки со всей планеты, я услышала по интернету, записала и слушала в наушниках. Георгий вначале не обратил на меня внимания, но как только почувствовал мое увлечение таинственными голосами космоса, он стал нервничать, и, конечно же, категорически запретил мне слушать их. Он был обделен, лишился чего-то, что принадлежало ему – времени, внимания, фантазии..., я не так часто восхищалась им... На самом деле, я уже задыхалась, мне хотелось чего-то нового, паузы, музыки, кино, не знаю что еще... прогулок или свободных встреч с друзьями, просто, новых людей ... чтобы потом вернуться к себе, вернуться к нему и вновь очаровываться им.

Чем больше его раздражала моя прихоть, тем сильнее я отдалялась от него. Георгий ревновал меня, перестал доверять; страдал, и причиной страданий, ему казалось, была симфония, теперь он стал расспрашивать меня - кто поделился со мной этой записью; я ведь сказала, что наткнулась на нее в интернете... и что в этом такого особенного?! Просто я с детства любила слушать ракушку. Меня всегда тянуло к морю. Почему? Потому что море наполнено любовью, оно поет песни любви, оно ласкает, оно знает все тайны и мудрости. Море и есть сама любовь. Нырять глубоко я разговаривала с ним как с самым надежным другом, оно мне говорило самые главные слова... Оно помогало мне расслабиться и снять усталость. Только доверься его сильным и ласковым рукам, раскинь руки и послушай его дыхание, на берег ты выйдешь совсем другим! Симфония Планет напоминала мне о море, которое есть любовь.

Что плохого я делала? Сидела с поджатыми ногами в кресле. В кармане подаренного Георгием жакета лежал купленный им мобильный телефон с наушниками. На голове у меня серая панамка, я натягивала ее до носа, возможно, так мне было уютнее; иногда немного приподнимала для обзора и выбирала самую дальнюю точку в окне... я смотрела на фрагменты верхушки горы, местами видневшиеся позади корпуса, слушая опасливый,

напряженный шепот Сатурна, из глубины которого доносились скрытые звуки тревоги и волнения. Георгию тоже понравились бы эти звуки, если бы он их услышал. Аудиозаписи планеты чем-то походили на музыку его любимого Анджело Бадаламенто. Обязательно понравились бы, если бы они не понравились мне первой, независимо от него. В этих звуках было все: страх, любовь, буря гнева, взрыв, война и мир.

Мира не было в нас. Вернувшийся с войны, Георгий не вернулся назад, он прошел войну, но она осталась в душе. Он не смог забыть неизбежную смерть, которая вместе с солдатами наступала женщин и детей; кто избегал ее, тех преследовала она тенью даже в самые солнечные дни... они не смогли забыть свое невольное или целенаправленное участие в смерти.

Георгий объявил мне войну – обвинил меня в непонимании... Ведь понять войну можно только на войне.

Я, история «21», не убежала как Асида к родственникам мужа на юг, в Очамчиру, я не протянула руку сходящей с автобуса матери близнецов и попросила деверя приютить их у нас. «Асида» - добрая история. Она провела четыре месяца в отцовском доме мужа в деревне, под грохот снарядов, в ожидании вестей от мужа. Асида так заботилась о детях той женщины, что вскоре стала различать близнецов как и их мама.

За те месяцы Асида увидела мужа один раз. Он навестил ее в деревне. Уединившись с женой в подвале на несколько минут, он успел сказать так много о войне...

Позднее в подвале Асида приютила раненого солдата. Он провел там ночь, но об этом узнала только мать близнецов. Тот солдат был грузином. Спасся. Может быть, Асида тогда приютила Георгия?!

Но мы не спрашиваем друг-друга ни о чем, не прерываем друг друга, мы рассказываем – и рассказываем, в действительности, самим себе.

Пока Георгий работал у компьютера, я должна была находиться поблизости. Я могла выходить из дома только, когда он уходил к друзьям. Я не знала точного времени его возвращения, но обязательно должна была встретить его, по обыкновению подвыпившего.

Шипение Нептуна казалось мне бессмысленным, пока закрывшись в туалете, я не изучила до конца каждый звук. Постепенно в спокойствии Нептуна я обнаружила иллюзию сновидения и состояние, порождающее каждый раз разные фантазии. Я постепенно стала различать, насколько гармоничным было смещение, звучавшее как созывание церковных колоколов. Я слушала аудиовибрации планет, пока не выучила их наизусть и не восприняла как музыку. Георгий не смог помешать мне слушать их, я уже и без наушников слышала Марс, Венеру, Уран, Нептун и весь космос.

Когда в доме слышались ругательства мужа, удары кулаком по столу, стук компьютерной мышки или шум, у меня в желудке что-то сжималось. Каждый раз казалось, что он ругает меня. Когда у него что-то не получалось в работе, и он, уставившись в компьютер, через зубы цедил непристойные слова, они впивались в меня, как ножи. Ожидание нападения лишало меня сил на те несколько секунд, пока выяснялось, на меня или нет был направлен гнев Георгия.

Вначале было по другому. Вначале я готова было сопротивляться всем телом, кровь быстро двигалась в жилах и, чтобы доказать свою правоту, я была готова бороться до конца, поломать посуду и сорвать со стен наши романтические фото, угрожать уходом из дома... Но отвешенная мной пощечина несколько раз возвращалась ко мне с такой силой, что я потеряла способность к сопротивлению. Постепенно я поняла насколько я слабее; ждалась, казалось, стала меньше ростом и привычные удары переносила легче. Я по возможности избегала таскания за волосы. Уголок губ я также залечила. Меня ударяли головой об стену; покрытые синяками плечи и бедра я научилась закрывать одеждой, а на руках и пальцах следы вообще не оставались. В общем, все было не так уж страшно... Мне уже слышался голос Планет – я не была одна. Мне слышалось гудение Марса, когда моего лица как будто касался горячий ветер с той «красной пустыни». В отличие от Георгия и Асиды я не была в Абхазии и не слышала грохот снарядов, но мне слышались предупреждающие звуки разрушения в страшном гуле Марса... Когда меня держали за горло и лицо почти синело от нехватки воздуха, я уже отчетливо чувствовала дыхание Урана. Когда он звучал, я чувствовала близость смерти. Однако Уран, который вместе со смертью является планетой секса и регенерации, оставлял два пути: Георгий или убил бы меня или налег бы на меня всем телом для удовлетворения своей страсти.

Асиде война оставила ребенка. После войны они с мужем вернулись в разрушенный войной родной дом, в разоренный город.

Он обещал, что все устроит. Эти слова он сказал отрывочно, совсем беспомощно, когда они вернулись в дом без крыши на двенадцатом этаже, где уцелевшей была только одна стена.

Роды начались ночью тринадцатого января, когда в Абхазии отмечают традиционный, настоящий новый год. Согласно обычаям, из земли достают захороненное в предыдущем году вино и убивают столько петухов, сколько мужчин в роду. Оставшихся на уничтоженной ферме петухов было вполне достаточно для количества оставшихся в общине мужчин. В то утро убили еще одного петуха, чтобы отпраздновать рождение первенца Асиды.

Я забрала мою панаму в Турцию. Вернувшись в гостиничный номер, я нахлобучила ее на голову. У меня тряслись руки. Было поздно. Я и Георгий поужинали в ресторане. До этого мы весело прогулялись по территории Топ Кап, заглянули в открытые в позднее время магазины, купили для дома кофейные чашки и маленькую сахарницу. Георгий не любил кофе, но иногда пил из-за меня. Мы зашли в ресторан со смехом. Официант отнесся ко мне с особым вниманием. В туристических районах турки почти насильно затаскивали нас в свои кафе или магазины... Георгий не совсем понял официанта, который говорил со мной по-английски. С соседнего столика еще один мужчина остановил на мне взгляд. Я напряглась. Что у тебя за лицо, сказал Георгий, а после паузы сделал замечание по поводу моей красной помады. Я закрыла рот салфеткой. На белом фоне остался красный след от моих губ. В это время вернулся официант, принес нам блюда и надутый воздухом теплый хлеб – пита. Вдруг он достал из кармана «Марс», положил на мою испачканную помадой салфетку и сказал: «Шоколад для госпожи!». У меня в ушах прозвучал гул Марса. Я посмотрела на Георгия, он улыбался мне с сомнением во взгляде. Я так хотела надеяться на то, что он не разозлился. Мы впервые были вместе за границей и проводили там такие веселые дни, я почти поверила в наше счастье. Георгий засмеялся и сказал: «Приписала бы номер телефона на салфетке под поцелуем...» и вонзил нож в питу. Хлеб опал как наше счастье и превратился в плоский лаваш оптической лжи. Марс сменился симфонией Плутона. Не помню, как мы закончили ужин. Я с трудом глотала куски. Я заранее знала развитие событий, просто все это меня очень утомляло, фазы Марса, Плутона,

Нептуна, Урана лишали меня жизненной силы... до наступления очереди Венеры я уже была уничтожена.

Моему мужу я казалась самой красивой и желанной. Об этом он столько раз и так говорил и тогда, когда душил, что я видела себя его глазами... мне было стыдно, что я инстинктивно махала руками, а глаза от боли выпучивала. Я научилась с достоинством переносить боль по двум причинам: не давать ему наслаждаться моей слабостью, то есть не признавать поражения и не давать увидеть меня с искаженным лицом – я всегда должна была быть самой красивой и желанной. Я была вовлечена в его войну и применяла все оружие, которые мне предоставлял мой пол. Самым лучшим средством обороны все же была слабость, слезы – так мне меньше попадало. Покрытые синяками места он не считал недостатками моего совершенного тела. Иногда наоборот, кровоподтек на бедре вызывал у него такой же прилив страсти, как колени, покрасневшие в результате продолжительного секса в любимой позе.

Георгий старательно излечивал раны словом и лаской. Он так осторожно снимал с меня панаму, как выводят из-под стола спрятавшегося от страха ребенка. Георгий чувствовал себя виноватым, а я себя – пострадавшей... Он возмещал мне ущерб, а я - достойно принимала заслуженную компенсацию. В жизни было по другому. После войны я не могла избавиться от чувства вины в отношении Георгия. Я постоянно чувствовала ответственность за причиненную войной травму. Во время ласк я пылко целовала видимое клеймо – длинный темный рубец на правом боку. Не только Георгий вылечивал мои раны, но и я лечила его всем своим существованием.

Меня мучила совесть перед Асидой и всеми теми людьми, которых коснулась война. В период беспорядков мой дядя повез меня в Швейцарию. Чего только не делала моя семья, чтобы разлучить меня с Георгием. Период, который для многих людей в Грузии был самым тяжелым, я провела легче всего. Георгий отправился на войну из-за моего поступка (молодыми часто руководит личная мотивация). Я поздно узнала об этом... Вернувшегося с войны мужа я встретила уже в Тбилиси и была готова возместить то, чего я когда-то лишила его. Я забыла характер Георгия, его прошлое, непреодолимые сложности и во всем обвиняла войну. Я забыла европейское спокойствие и стабильность, неприкосновенные права человека и уравновешенные отношения... Единственное, что осталось

у меня от Швейцарии, была серая панама, да и ее Георгий, как будто бы случайно, выбросил в Стамбуле с моста, связывающего Европу и Азию.

Война стала главным и вечным оправданием Георгия.

Война имела решающее значение и в истории «Асиды». Муж Асиды больше не рисовал. Пир, начатый по поводу рождения ребенка и нового года, перешел в ежедневную пьянку, И трезвый, и пьяный он повторял одно и то же: «Я никого не убивал... Я никого не убивал.». Асида не смогла помочь мужу, она наслаждалась долгожданным материнством и ухаживала за мужем, как за ребенком.

Единственной планетой, которую я с самого начала отказывалась слушать, была земля. У нашей земли была самая странная симфония. Из записей НАСА только эта, наверное, была настоящей. Теперь, когда я, история «21» нахожусь там, могу точно сказать – в космосе тишина. Планеты на которые мы, женщины, распределяемся, не издают голоса. Есть бродячие звезды, которые оставляют след, а не звук. Я всех знаю, я сама бродяга, сама смещение... отстраненная и оторванная от жизни. Как я уже отмечала, здесь время не поделено на прошлое, настоящее и будущее... Волны, крик, слезы, стон, смех, исторгнутый из тела человека, сильнее звука, который издает любая машина, техническое изобретение, природный катаклизм, животные, снаряды, гром или атомный взрыв. Голос земли – это сумма всех этих голосов, одна большая полифония, которая просит о помощи, в основном, голосами женщин и детей.

Мысль об избавлении от Георгия была бессмысленной. Мой муж не допустил бы этого. Я тоже не хотела оставлять войну и не могла даже думать о том, чтобы разделять ложе с другим мужчиной. Я была уверена, что никто так не приласкал бы меня, как Георгий. Наверное, действительно невозможно достижение той степени страсти, которая наступает в круге, состоящем из готовности убить, понимания, страха потери, рабства, прощения, нового признания в любви и овладения заново отчужденным в конфликте телом. Это неразрывный круг, сложнейшая дорога от боли до удовольствия, самый опасный мост между мужчиной и женщиной.

Я не смогла бы объяснить этого ни одному человеку, да это и не нужно было... Глядя на чужую однообразную и крайне скучную жизнь, я точно

знала, что было у меня. Мне и Георгию никогда не было скучно. На примере изменявших моим подругам друзей, я искренне ценила верность моего мужа. Если что-либо происходило, то наверное, только там, где ситуация навязывает нам свои законы, где обстоятельства берут верх втягивают вновь и вновь в войну...

В действительности, Георгий хотел всего от меня - и любовь, и войну, и смерть.

Муж Асиды так изменился от пьянства, что давно не видевший его человек не узнал бы. Неизменной осталась только привязавшаяся фраза, которую он в последний момент повторял Асиде, старавшейся отнять оружие у помешавшегося мужа. Пропитанное алкоголем сознание собрало последние силы, дрожащие, ослабевшие пальцы ухватили курок револьвера. Раздался выстрел... Не звук выстрела, а вздох Асиды донесся до небосвода и присоединился к многоголосию земли. Голос человека самый пронзительный. Хибла и ее муж на секунду посмотрели друг на друга; впервые взглянули друг на друга после войны... Количество подлежащих убийству петухов не уменьшилось в утро нового года и тому же количеству свернули головы, Ведь эта традиция считала людей по их полу – пуля попала в Асиду.

Георгий нашел мои наушники в туалете. К этому времени я уже пыталась забыть симфонию планет, хотела освободиться от них... и может быть, не только от них... Георгий разъяренный ворвался на кухню, швырнул мне наушники в лицо, можно было подумать, он уличил меня в непростительной измене. Я уже не слушаю планеты, - сказала я, но Георгий не слышал меня. Ты меня обманываешь, в чем еще ты обманываешь меня - во всем обманываешь, ревел он взбешенный.

К звуковой вибрации земли присоединился не только его, но и мой голос – последний всхлип. Как убил меня Георгий, деталей я вам не расскажу, так как в действительности меня убили намного раньше. У меня пока и имени не было. Я была всего 21 грамм, но уже имела верхние и нижние конечности, конечно, билось сердце, была сформирована центральная нервная система, в том числе блуждающий нерв... У меня была челюсть, задатки зубов, слух и внешние гениталии.. Я жертва селективного аборта, приговор был мне вынесен выявленным эхоскопией полом – девочка. Отец

даже не рассматривал рождение дочери, мать носила меня еще несколько дней, и я выросла до 9 сантиметров... Я была благодарна и за эти дни, я была благодарна за каждый день.

Мы, без рождения мертвые девочки, не лгуны, просто все время пытаемся понять, что бы было, если бы наша мать не сделала аборт, если бы она не заметила беременность или врачи неверно установили бы пол и мы бы выжили, допустим, на земле. Из того маленького космоса в настоящий космос мы попали бы через планету людей. И мы получили бы возможность испытать всю боль и радость, которые почти никогда не ценят те, у кого они есть. У нас тоже была бы наша история. Была бы драматургия и шанс изменения этой драматургии.

Нерожденные девочки, мы убеждаем себя, что рождение было бы хуже нерождения и если бы не родители, то кто-то другой убил бы нас позднее... Нас, девочек, обязательно бы убили... Смещенные, отстраненные от жизни, блуждающие в космосе нерожденные души, обреченные на отсутствие истории...

ГОРЯЧИЙ АВГУСТ 8-ГО

РОИН АГРБА

Стоял жаркий август 2008. Вот уже несколько дней каналы не умолкают... Война.

Она где-то близко... в десятках километров от города. Порой кажется, что бомбы взрываются совсем рядом. Эхо войны горы доносят мгновенно, опережая даже самый популярный новостной канал в говорящем ящике. Она совсем близко... Она дышит в спину.

Гога нервно курит на балконе своей квартиры в чешской девятиэтажке. Отсюда, с девятого этажа, открывается красивый вид на лысую гору Махата. Со двора спального района доносится гул. Скопление машин. Люди нервно собирают свой багаж и с ревом двигателей теряются между домами. Паника охватила город.

«И куда вы сбежите от русских самолетов и собственной судьбы?» – с ухмылкой подумал Гога и нервно затянул сигарету.

«Она достанет вас везде! Дебилы, вы не знаете, что быстрее самолета не уедете? Валите все к черту! Вы и так мне особо не нравились. Кроме, конечно, Вахо, что с первого подъезда. Потому, что он имеретинец, наш, с запада. Ванский он парень. Он не мингрел, но какая разница? Все таки он наш. Знает все как нужно. Ведет себя с соседями, как настоящий родственник, весельчак. И, что самое главное, помнит всю очередность тостов. Парень просто душка. Права была бабушка Дуда: «самые лучшие грузины на свете – мингрелы». И жену хотела мингрелку мне подыскать. Однако, не вышло. Попалась кахетинка. Помню, как она долго уточняла ее фамилию и происхождение. Эх, бедная Дуда бебо. Хорошо, что она не видит этого всего.»

«Нет! Я ни шагу отсюда не сделаю! Я в своем доме...»

«Хорошо, хоть Кетино с детьми у своей бабушки. Была бы тут – сверлила бы мне мозги. А если вдруг позвонит, а она обязательно позвонит, может быть соврать ей? Сказать, что уехал с ребятами в сторону Телави? Нет! Она догадается, что я вру. Сразу догадается. В ту сторону я не люблю ездить. И она хорошо это знает. После последней нашей поездки в Кахетию я поклялся, что не поеду в ту сторону. Придумал же на ровном месте этот двоюродный брат Михо ссору. Ну, где это слыхано, вот так тосты поднимать? Одно с другим все смешал. И еще что за чушь он нес – кроме кахетинцев никто не умеет делать вино! Вот редкостный упрямец. Значит, все время на западе мы пили компот что ли?»

«Кетино хорошо знает мой упрямый нрав. Раз сказал, значит не слезу со своего осла. «Упрямый ослик ты мой» – обычно так ласково говорит она мне, когда у нее хорошее настроение, когда ее шеф вовремя отпускает домой из редакции. А этот шеф-редактор? Какой он противный тип! Он мне сразу не понравился, как только Кетино согласилась работать в этой редакции. Как вообще она может с ним находить общий язык? Он мне, честно говоря, Лаврентия Павловича напоминает в своих круглых пенсне. А с другой стороны, что ей остается делать? Нужно же как-то кормить семью? С моими писательскими гонорарами далеко не уедешь. Ведь мой последний сборник вышел два года назад. Дети то растут. Вот, Софико уже 14 лет. А какие у них сейчас запросы? Хотят ровняться с дочерью того толстого депутата, что не вылезает из этого ящика.»

«А когда она злиться, обзывает меня упрямым ослом. Хотя где осел и где я? Ослы это у них, там, в Кахетии. У нас настоящие скакуны. Пусть и клячи. Зато зовутся лошадьми. Что ей объяснять? Женщина есть женщина. Мать моих ангелов. Нужно терпеть.»

В зале по говорящему ящичку громко передавала последние новости смазливая блондинка. «По данным министерства обороны Российская авиация бомбила г. Гори. Есть жертвы среди мирного населения. Подразделения министерства обороны ведут жестокие бои...»

«Не хрен было туда лезть, маньяк!» – наорал Гога на смазливую блондинку в телевизоре так, как будто она угроза миру в регионе. «Беседуя» со смазливой блондинкой, Гога кричал на самого правителя страны.

«Что ты думал? Что все так пронесет? Ты стреляешь из «Градов», а в тебя будут из рогаток? Права моя мама – нельзя таких психов, как этот, к власти допускать! Русский Ваня только ждет повода, что бы нас стереть с лица земли, покорить, поставить на колени. Не давай повода и живи с миром. А теперь? Теперь то что? Сколько страданий принесет эта проклятая война всем людям? Ты подумал об этом?»

От таких мыслей Гога стало душно. Нервно поднял с дивана пульт и отключил блондинку. Окно блондинки затемнело.

«Да никуда я не уйду отсюда...никуда! Пусть Кетино умоляет. Ни шагу за порог! Как будто эти проклятые оккупанты будут искать бедного, неизвестного писателя в этом большом микрорайоне? Делать им нечего искать именно меня! Я, что ли, угроза миру? Или же будут ходить русские солдаты по подъездам, по корпусам, и кричать: «где тут живет писатель Гога?» Смешно. Останусь и все!»

Гога достал сигарету, прикурил и вышел на балкон. Во дворе суета машин подходила к завершению. Последние жильцы собирали чемоданы и, перекикиваясь друг с другом, отъезжали к шоссе. Пока Гога докуривал сигарету, во дворе стало необычно тихо. Опустел даже столик дяди Жорика, где в такое время обычно костяшками домино забивали козла. Запах войны становился все четче. Он где то рядом...

«Не поеду никуда. Но Кетино ведь будет переживать? Откуда ей знать, что за мной оккупанты не придут сюда? Что я им на фиг не нужен? Скажу, что уехал с Вахо с первого подъезда. Но куда? Значит нужно что-нибудь придумать. Что-нибудь правдоподобное».

В зале, на диване заиграл «Linrin Park». Это телефон Гога звонит.

Докурив сигаретку и выбросив окуроч с балкона, Гога не спеша подходит к своему телефону. На мониторе трубки надпись – «Дурдом»... Это Кетино звонила.

«Ты где?» – спросил почти что в истерике женский голос в трубке.

«Где, где? Тебе в рифму ответить?» – в своей шуточной манере ответил Гога.

«Не начинай сейчас тут мне. Ты уехал? Не своди меня с ума и не говори, что дома сидишь!» - продолжала Кетино в своем стиле.

Гога замешкался. Сказать правду – значит довести жену до кондиции. А ведь она такая сумасшедшая, что пешком прибежит из Кахети, даже не задумываясь.

«Да вот Вахо жду у его гаража. Скоро должен спуститься» – соврал неуверенно Гога и зажмурив левый глаз почесал затылок». «Еще пару минут и мы поедем».

«Куда вы собираетесь? В какую сторону? Не вздумайте в свою Имеретию ехать! Ты телевизор хоть смотрел сегодня?» – продолжает Кетино в истерике. «Русские все дороги перекрыли, говорят, что сегодня вечером танки будут уже у города».

«Да успокойся, женщина! Не поедем мы туда, не поедем. Сумасшедшие что ли?»- вошел в азарт вранья Гога.

«Куда поедете, кацо? Можешь сказать? Вам ехать больше некуда, если конечно в Азербайджан не уедете!» – продолжала настойчиво жена.

«Да к вам мы поедем, к вам, на родину самых красивых ослих на свете» – ответил Гога с громким смехом.

«Хорошо тогда. Значит, к вечеру вас ждать надо. Михо передал, что больше не будет с тобой спорить. «Имеретинцы тоже умеют вино делать». Так и передал» - уже спокойным голосом заговорила Кетино.

Закончив разговор, Гога нервно отбросил телефон на диван и пробурчал: «Имеретинцы тоже...». Свалившись на диван проболтал «вот возьму и на зло никуда не уеду... и пусть пьют свою кислятину сами».

Пока он говорил по телефону со своей Кетино, проморгал русский самолет, который и сбросил бомбу на лысую гору Махата, что напротив микрорайона. «Ух, вашу мать...! Совсем ох@ели, что ли?» – вырвался русский мат у Гоги, хотя и он особенно недолго любил как язык Достоевского, так и носителей самого языка. «Вот твари, и до нас долетели? А ведь говорил я...» – и по-

нес всякую чушь испуганный писатель, поглядывая украдкой в ту сторону, откуда исходила опасность.

Вторую бомбу самолет сбросил дальше. Грохот шел издалека. Гога бросился спасать себя за диваном, укрывая обеими руками свою голову. Через несколько минут настала гробовая тишина.

«И что? Буду тут я сидеть как мышь и от страха писаться что ли? Нужно что-нибудь предпринять. Я ведь писатель. Я должен сказать свое писательское слово. Так сидеть нельзя!» – сказал Гога твердым голосом, выполз из-за укрытия и достал сигаретку из пачки. Закурив, писатель стал нервно, как лев в клетке, ходить по комнате. Откуда-то, в затуманенном мозгу всплыли слова Иосифа Бродского: «Русские, когда приходят в чужие страны на танках, привозят на броне книги»...

«Это не книги, уважаемый Иосиф, это бомбы!»- оглядываясь на высоченный заполненный книжный шкаф и с лету найдя книгу Бродского Гога, как учитель математики, погрозил ей указательным пальцем. «Это бомбы, а не книги, Иосиф! Так же думал и Милан Кундера до «Пражской весны» 68 года!» – резким движением превращая палец учителя математики в грозный кулак чешского писателя.

Долго матерился с твореньями русских классиков молодой грузинский классик. В результате этой полемики родилась идея: вынести всю русскую классику во двор и демонстративно сжечь.

«Вот я вам устрою, оккупанты вы проклятые! Будете гореть синим пламенем в аду!». Даже не окончив свой монолог, Гога принялся за дело. Подвинув стул к шкафу, начал небрежно сбрасывать книги на пол. Вот и полетела вся русская литература во главе с Пушкиным в кучу на полу молодого классика. Верхние полки опустошил почти что мгновенно. Уже дошел до нижней полки. Беспощадно летела вниз вся советская классика. И тут, схватив книгу Довлатова, остановился. «Вот ты, сволочь, ты тоже здесь? И ты будешь гореть вместе с остальными!» Подустал молодой классик в своей нелегкой затее. Присел на спинку стула. Не думая приоткрыл книгу, и по привычке глаза побежали по строкам. Знакомые фразы, предложения, страницы. Страница за страницей, глава за главой. Устал сидеть на спинке. Ягодицы начали болеть, нога неметь. Сошел со стула, и не отрывая глаз

от строк подошел к дивану. Присел. Незаметно пролетели минуты, часы. Гога все не мог оторваться от книги. Он ведь читал ее пару годиков назад. Перед глазами заиграли сцены из сюжетов. Молодой классик так увлекся, что незаметно начало темнеть.

Когда стало совсем темно и различать кириллицу стало все сложнее, Гога очнулся. Протер уставшие глаза, и отложив книгу на диван, задумался. «Это до чего ж я дошел «Упрямый ослик», книги собираюсь сжечь... И потом себя с чистой совестью буду именовать писателем? Трагедия уже пришла, война... самая глупая затея рода человеческого. И я должен к этой трагедии добавить еще и свою глупость?.. Когда убивают человека – это трагедия.. Когда уничтожают книги - это беда, большая беда!»

Гога начал молча, как будто с двойкой в дневнике перед всем классом, с опущенной головой собирать книги и класть их на прежнее место. «Ну и что сжег бы? Эти книги я покупал на свои кровные гонорары. Каждый раз ругаясь с Кетино – «на последние деньги покупаешь книги, может быть хватит?»... И каждый раз по новой.. Я ведь хотел сжечь мое единственное богатство, что нажил за свои 40 с хвостиком лет. И что из этого? Даже некому было бы продемонстрировать мой «писательский героизм». Ведь все уже давно уехали. В микрорайоне нет никого... кроме меня, моей совести и моих книг». «Но из своего дома я никуда не уйду. Если даже прямиком ко мне поднимется сам генерал оккупантов»...

«Не поеду я никуда с Вахо. Даже в эту Кахетию... И не буду пить их кислятину!»

ВЕРТОЛЁТ

ТАМЕРЛАН ТАДТАЕВ

Звезда грузинской литературы, интеллектуал Лаша встал со своего председательского места, вышел на середину конференц-зала и, сверкая стёклами очков, начал вещать:

– Если вы не устали, даю вам ещё одно упражнение: вы должны разбиться на пары и рассказать друг другу истории о войне, где сами были непосредственными участниками, понимаете? – он обвёл взглядом все три стола, за которыми притихли абхазские, грузинские и осетинские писатели, и продолжал: – Потом каждый из вас напишет новеллу другого.

Тут, конечно, писатели зашумели, ибо всех волновал вопрос, сколько же времени отпустит маэстро на создание такого произведения.

– Думаю, день вам хватит, – отвечал Лаша. – Но у вас ещё целый час до обеда, и, может быть, кто-то успеет написать...

Я был в паре с Гундой, абхазской поэтессой, кстати, очаровательной блондинкой. Она сидела рядом и рассказывала мне про сбитый в 92-м году вертолёт. Добрую половину её повествования я не слышал, так как немного оглох после той контузии в августе 2008-го. По правде говоря, мне самому не терпелось поведать ей, как это случилось. Но с чего начать, думал я, смотря на шевелящиеся губы Гунды.

Пожалуй, надо будет обрисовать место, куда я просочился вместе с отрядом из семи человек. Впрочем, наша группа распалась в ту же ночь. Печально, конечно, но к утру я никого из ребят не нашёл, кроме здоровяка Марка, обитавшего в пятиэтажном корпусе. Он-то и привёл нас в свою квартиру и даже накормил ужином, хотя его прятавшиеся в подвале соседи не ели вторые

сутки и вконец отощали. Оно и понятно, ведь люди во время бомбёжки попали в депрессию и в ужасе пожирали свои запасы, а в затишье поднялись наверх, к свету, и с надеждой взирали на меня и Марка, парня молодого и весьма энергичного. А тот всё время был на ногах, бегал туда–сюда, при этом обильно потел, однако форму с себя не снимал, да ещё намотал на себя километр утыканной патронами ленты. Чем–то он напоминал меня в 92–м, только я был тогда худой как чёрт и всё время стрелял по поводу и без. Марк же пока не опробовал свой пулемёт, хотя постоянно возился с ним, чистил, сдувал с рифлёного ствола пылинки и таскал с собой. Даже когда у нас появилась серебристая «девятка», Марк сначала тянулся на заднее сиденье к своему смертоносному оружию и уже потом глушил мотор. Вот такого друга я обрёл восьмого августа и, признаюсь, был не в восторге от его откровенных разговоров...

– Гунда, а я рассказывал вам, как жители корпуса направили к нам делегата с двумя пустыми мешками и он, козлиная душа, умолял меня и Марка сгонять в пекарню за хлебом?

– Нет, – пролепетала Гунда. Похоже, она решила, что я псих. Но я не мог остановить себя, так же как и «девятку», в которой мы мчались по горящему городу, а за нами гнались взрывы. Стёкол в машине не осталось, и ветер дул в лицо – хорошую мишень для снайпера. Впрочем, в машину мог залететь и снаряд или осколки бомбы – да что угодно, и превратить нас в мясо. Чуть выше кинотеатра «Чермен» Марк затормозил, крикнул: «Всё, я больше не могу!» – схватил пулемёт и выскочил из машины.

Он бросился в ближайший двухэтажный недостроенный дом, коих в Цхинвале было великое множество. Я кинулся за ним и немного успокоился, заметив, что потолок в прихожей бетонный. Надеюсь, он не рухнет на нас при первом же попадании, подумал я, и, скинув с себя автомат, положил на низенький, грубо сколоченный из досок стол. Однако, взрывы приближались, и я не мог понять в чем дело, пока Марк не обратил моё внимание на автоматную очередь, прозвучавшую совсем рядом. Проклятие, опять наводчик! Вот бы поймать гада и хорошенько расспросить, уж я бы вытянул из него все секреты. А тот знал своё дело: сначала стрелял в воздух трассирующими, а через несколько секунд место, откуда он жарил, накрывало «Градом».

Я поискал подвал в доме или какое-нибудь другое укрытие, ничего не нашёл и вернулся, а Марк побежал в комнату с окном на улицу и давай

высматривать наводчика, который опять стал активный и щекотал нервы короткими очередями. В какой-то момент всё стихло, и вдруг вдалеке послышались звуки тамтама. Чёрт, это «Град»! Ну всё, хана нам с Марком... Нет, тихо. Кажется, пронесло, тьфу-тьфу, чтоб не сглазить! Не успел я обрадоваться своей мысли, как хата затряслась от взрыва и грёбанный потолок обрушился вниз. Меня будто по голове молотком тюкнули.

Не знаю, сколько прошло времени, прежде чем я очухался. Я крикнул Марка, но парень не отзывался. Должно быть, его похоронило в той комнате, с окном на улицу. Самого меня не так засыпало, а вот автомат мой вместе со стулом оказался под обломками. Я схватился за ремешок оружия, потянул на себя и вытащил «калаш» с погнутым стволом. Эх его, подумал я. Ну да чёрт с ним, найду другой, а сейчас надо шкуру спасать. Выбрался я на улицу, а там полный апокалипсис: под ногами куски асфальта и металлолом из осколков, невдалеке рухнул охваченный огнём особняк, а на струнах поверженных столбов дьявол наигрывал сводящую с ума музыку. Я немного пошатался, не зная куда себя деть, потом всё-таки решил спрятаться в сточной канаве. Но только я устроился поудобней, как кто-то навалился на меня сверху, будто хотел трахнуть – надо сказать, что лежал я на животе задом к небу.

– Это я, Марк, – донеслось до меня. – Знаешь, я нашёл логово наводчика. Давай после обстрела убьём его!

– Давай! – обрадовался я и попытался скинуть его с себя. – Слушай, а ты бы не мог с меня слезть, я ведь тебе не подстилка!

– Так вы привезли хлеб? – спросила нетерпеливо Гунда.

– Конечно, целых два мешка, но есть я не мог, только блевал, и кровь шла из ушей... Так всегда и бывает: кто-то жрёт хлеб, который ты добыл, а сам ходишь голодный...

Гунда всё записала. Надеюсь, к утру она приготовит из этого материала потрясающий рассказ. Интересно увидеть себя со стороны. Ты, например, себя представляешь таким героем, а другой при виде тебя только руками разводит и плюётся: вот болван, ну просто кретин. А я же ещё глухарём притворяюсь и слышу про себя вещи не совсем приятные. Конечно, слух мой повреждён контузией и в голове будто рой цикад поселился, но если наострить уши, то легко могу передать, о чём, например, говорят за со-

седним столом два блестящих прозаика Дато Турашвили и Роин Агрба. Симпатичные ребята, дай бог им здоровья! Они всё-таки успели написать за час по новелле! Это ли не талант? Чёрт, мне бы так наловчиться.

А я вот пытаю вопросами Гунду: значит, вертолёт сбили? И внутри были люди? Да, кивает головой печально Гунда, там находилось восемьдесят человек, всё больше женщины и дети. Я придвинулся к ней поближе, чтоб не пропустить ни слова. Жаль, диктофона с собой не взял. Гунда, пожалуйста, не так быстро, я не успеваю за вами записывать. В школе я был двоечник, посмотрите, какой у меня ужасный почерк. Не факт, что потом разберусь в своих каракулях. А какой был день? Зимний, ответила Гунда, я сидела дома в тепле и уюте и смотрела в окно на кружащиеся белые хлопья. И вдруг мне захотелось услышать, как хрустит под ногами снег, оглянуться на свои следы и снова пройти по ним, как в детстве. Я оделась, взяла пустое ведро и вышла на улицу к водопроводной трубе. Да, забыла вам сказать, что я была беременна.

– Вы шутите?

– Да нет, какие там шутки.

– А где был ваш муж? – спросил я, оглянувшись на её супруга, Роина, который уже сидел на стуле в центре конференц-зала и читал новеллу, записанную со слов Дато Турашвили.

– На войне, где же ему быть ещё? Впрочем, это не важно, просто настроение в то утро было чудесное, и под журчание струи я танцевала босиком на снегу. Вдруг какой-то мальчик в жёлтой лыжной шапочке кинул в меня снежком, я в него – в общем, поигрались. Такой забавный, с румяными щёчками, без передних зубов, он сам решил донести ведро до дома, но по дороге расплескал всю воду и промочил свои ботинки. Я стала уговаривать мальчишку зайти к нам и посушить свою обувь, носочки, но он сказал, что вертолёт улетит без него, и убежал, сорванец. А я ещё посидела у окна, потом попила чай с айвовым варением. Включила телевизор, села на диван послушать новости да так и уснула. Разбудил меня муж. Он метался по комнатам и что-то искал. Я хотела его обнять, и вдруг увидела его лицо. Он был такой потерянный...

Роин Агрба закончил читать свою новеллу, встал со стула и вернулся к своему месту под аплодисменты. Гунда, зардевшись, улыбнулась своему мужу.

– А что потом? – спросил я Гунду.

– Он нашёл свой бушлат и убежал. А вечером по телевизору показывали, как взлетает тот самый вертолёт, в него попадает пылающий снаряд, он взрывается, теряет управление и, дымясь, падает. Но мне почему-то запомнился винт, как будто к его лопастям были прикреплены пулемёты, и они вертелись и поливали огнём людей, набившихся в нутро вертолёта... Потом ещё показывали разложенные для опознания обгорелые трупы на снегу, и люди подходили к ним, плакали и не могли найти родных. А я вот узнала в маленькой чёрной кляксе на белом того мальчишку...

По щекам Гунды покатались слёзы, больше она не могла говорить.

Я вышел из конференц-зала, поднялся на лифте к себе в номер, скинул пахнущую потом одежду и посмотрел в окно на улицу с красивыми постройками под ещё зелёными, несмотря на октябрь, деревьями. Я порадовался хорошей погоде и решил надеть голубые мокасины, серые брюки и синюю в полоску льняную рубашку...

Зура вчера жаловался на то, что организаторы форума поселили нас в гостинице на окраине Стамбула. Но мне тут нравилось, особенно небоскрёбы. Люблю современную архитектуру, хотя мне и старая нравится. Я прошлёпал босиком в ванную, пустил воду над раковиной, помылся и вытер тело белым крахмаленным полотенцем. Одевшись перед большим зеркалом в прихожей, я взял сумку, проверил, всё ли на месте, вышел из номера и спустился на лифте вниз вместе со здоровенным негром с серёжкой в ухе. Мы улыбнулись друг другу, потом я отвернулся к зеркалу и смотрел на себя до тех пор, пока не распахнулись двери кабины...

Я вошёл в столовую и увидел наших за длинным столом возле окна. Набрав еды в тарелку, я подгрёб к ним и протиснулся к пустому стулу возле Зуры. Дато Турашвили напротив нахваливал айвовое варенье. Пожелав всей честной компании приятного аппетита, я принялся за еду. И вот тарелка моя опустела, в стакане с апельсиновым соком ни капли, и я, откинувшись на спинку стула, думал, чего бы ещё поесть, как подошла официантка в коротенькой юбочке с кофейником в руке и предложила:

– Кафи, сэр?

– Ноу, тенкью, – ответил я.

Она улыбнулась и поспешила к другому столу с двумя громко разговаривающими арабами.

После обеда корреспондент грузинского телевидения, не помню какого канала, попросил дать интервью. Я вздохнул и пошёл за ним. Он усадил меня в кресло в холле и, пока его выбритый наголо коллега настраивал камеру, просунул через мою синюю рубашку маленький, похожий на бананную какашку микрофон и пробормотал:

– Знаете, Тамерлан, восьмого августа я тоже был в Цхинвали.

– Вот как? – сказал я и, покосившись на микрофон, дунул в него.

– Да, представьте себе, и заблудился там во время сильнейшего обстрела. Я стрелял сигнальными в воздух, чтобы привлечь внимание наших. И тут совсем близко от меня серебристая «девятка» врезалась в дерево, оттуда выскочили два осетинских ополченца и бросились в двухэтажный особняк напротив. Я дал ещё несколько очередей трассирующими наверх, залёг в кустах и стал ждать помощи. Но вместо этого на улицу, где я прятался, обрушился «Град». Каким-то чудом я остался жив и, когда рассеялась пыль, заметил, как из разрушенного снарядами жилища шатаясь вышел ополченец и свалился в сточную канаву. Другой, здоровый такой, с пулемётом, выпрыгнул из окна, побежал к арыку и накрыл своего товарища сверху, как будто собирался его трахнуть. Забыв про все на свете, я встал и хотел заснять на свой мобильный двух гомиков, но здоровяк заметил меня, вскочил на ноги и открыл огонь, только его пули скосили вишню надо мной, а я вот не промазал, и он упал...

– Тамерлан, вы готовы? – спросил лысый оператор и прицелился в меня камерой.

– Марк остался жив, – прохрипел я, вытирая ледяной рукой испарину со лба.

Киношники в изумлении переглянулись.

– Вам плохо, дать воды? – испугался лысый.

– Марк под камуфляжем носил бронежилет, и мы привезли хлеб...

ВИКИ, СУХУМ(И), БАРСЕЛОНА

ДАТО ТУРАШВИЛИ

Мы стали друзьями с первого же курса.

С того момента, как познакомились.

Он был из Сухума, а я из Гудауты, но, в отличие от некоторых других, в нашем общении с ним было что-то особенное; возможно то, что мой русский по произношению ничем не отличался от его русского. Вот разница между нами и грузинами явственно ощущалась, хотя и не в такой степени, чтобы кто-либо мог помышлять о войне; до войны у меня было много друзей – грузин в Сухумском университете.

Но эта дружба была совсем другой – она началась сразу – с того момента, как мы познакомились и в первый же день он пригласил меня домой сказав, что его мать ждет нас к обеду.

– Она что, вправду меня пригласила? – искренне удивился я.

Мой новоявленный друг тоже не стал скрывать правды:

– Мать сказала мне, чтобы я пригласил кого-нибудь из друзей, но только не сухумца.

Естественно, я не отказался, и с этого момента матерей у меня стало двое – родная, которую я навещал по выходным в Гудауте, и другая – мать моего сухумского друга, которая, казалось, старалась быть матерью всему миру, соответственно и мне. Во всяком случае, ко мне она относилась как к собственному сыну. Это я заметил еще когда мы ели; она смотрела на меня

таким же счастливым взглядом, как и на своего единственного сына Адгура. Пожалуй, именно потому, что Адгур был единственным ребёнком в семье, его матери казалось, что он никогда не повзрослеет и поэтому она и сегодня относилась к нему, как к ребёнку. Стоило Адгuru зайти в ванную, мать стучала в дверь и настойчиво просила о том, чтобы он не забыл помыть руки с мылом. Приятель выходил из ванной с улыбкой, объясняя мне, что в детстве частенько мыл руки без мыла, а маме кажется, что он и сегодня только ополаскивает их, как в пять лет.

Адгур жил в собственном доме недалеко от университета и, как только у нас появлялось «окно» между лекциями, приглашал меня к себе. Каждый раз его мать встречала нас с таким счастливым лицом, словно я впервые заходил к ним в дом. Она садилась с нами за стол и с чувством удовлетворенности смотрела за тем, как мы едим. Порой она даже могла прослезиться от ощущения счастья. Я как-то подумал, неужели в каждой абхазской женщине скрывается такая заботливая мать?

Однажды она спросила нас:

– Всё-таки, кто у вас самая красивая девушка?

– На курсе или вообще в университете? – спросил я, так как Адгур считал нужным просто улыбнуться в ответ. И я бы не стал отвечать на этот вопрос, но надо было выручать теперь и Адгура, который думал также, как и я. Среди студентов Сухумского университета самой красивой девушкой была Вики, наша однокурсница. Вики была грузинкой и нравилась не только мне и Адгuru, но и всем нашим сокурсникам. Думаю, она нравилась вообще всем мужчинам в университете, независимо от возраста и национальности. Помню, как открылась дверь в аудиторию – это было на первом курсе, на первой лекции и вошла опоздавшая Вики. Зал словно осветился. Слово «понравилась» здесь немного неуместно – правильней было бы сказать, что весь курс без памяти влюбился в девушку с грузинской фамилией и явно негрузинским именем.

Вообще-то довоенный Сухум был разнообразным и многоязычным, как Вавилон, но, в отличие от последнего, сухумцы без труда друг друга понимали, так как тут существовал ещё один, неофициальный, сухумский язык. Этот язык был средством общения многоязычного сухумского населения;

говорившие на нем сухумцы, прекрасно понимали друг друга.

Возможно, для народов проживающих в Советском Союзе, даже самый худой мир был лучше доброй ссоры. Эту поговорку я узнал от Вики и именно благодаря ей, я помню, что тогда ещё никто не думал о войне. День рождения Вики отмечали все с удовольствием, включая абхазов. Мы с Адгуром немного удивились, узнав, что она нас пригласила, но не подали виду и нарядившись как следует, пришли в гости. В Советском Союзе хорошая одежда была дефицитом и единственным её элементом, из доступных нам в восьмидесятых, были джинсы, которые доставляло нам море, а точнее, привозили сюда иностранные моряки. Они были очень дорогими, но выбора не было: как могли два абхазских парня заявиться на день рождения самой красивой грузинской девушки в университете, в которую они были влюблены, не в джинсах?

Отец Вики занимал какую-то должность (грузины вообще любили всякие должности) и в тот вечер сам был тамадой за столом. Свою дочь он называл Викторией. Мы и раньше знали, что она официально, по паспорту, была Викторией, но ни разу не слышали, чтобы к ней кто-то так обращался. Рассказывая о своей дочери, он раскрыл нам причину того, что она училась в Сухумском университете не на грузинском, а на русском секторе: русский сектор позволил бы ей потом продолжить учебу в Москве и начать там карьеру. Он говорил, что Виктории Сирадзе, которая работала в ЦК КП Грузии, даже не приснится тот успех, которого очень скоро достигнет его Виктория.

Но это время совпало с эпохой Горбачева, которая завершилась развалом Советского Союза и Вики оказалась не в Москве, а в Барселоне. Судя по всему, она никогда и не горела желанием учиться в Москве следуя заветам отца; во всяком случае, в письмах, которые я периодически получал от неё, Москва не упоминалась ни разу. Зато она много писала о Барселоне, не уставая повторять, что этот город очень похож на Сухум, или же наоборот, что Сухум похож на Барселону. Писала, что чувствует себя, как дома – по её словам, даже море пахло так же, как в Сухуме, и над городом так же возвышалась гора с фуникулёром. Поначалу я думал, что Вики писала письма только мне, но когда я однажды завел с Адгуром разговор о сходстве Сухума и Барселоны, он улыбнулся так, что я сразу понял, что был не единственным, с кем она делилась своими впечатлениями.

Одним разительным отличием Сухума от Барселоны было то, что там не было войны, а мы оказались в самом её пекле. С началом войны перестали приходить письма от Вики; во всяком случае, я ничего от неё не получал, и Адгур перестал о ней спрашивать.

Единственное, что я знал об Адгуре наверняка, это то, что он ещё до войны начал писать стихи и всё обещал прочитать их мне из той белой тетради, которую он постоянно носил с собой. Тетрадь скорее напоминала блокнот, который был белого цвета. Из всех альбомов «Битлз», которые были так дороги его сердцу, он больше всего любил именно «Белый Альбом».

Я был в Гудауте, когда услышал, что Адгура тяжело ранили, но я раздобыл машину и в тот же вечер поехал в больницу. Живым застать мне его не удалось – услышав его фамилию, дежурная сказала коротко по-русски: «Он уже в морге».

Здание морга находилось во дворе больницы, но поодаль, а рядом с ним стояло здание, которое явно было роддомом, так как из него слышался плач младенцев. Это натолкнуло меня на мысль о том, как близко, бок о бок, находятся жизнь и смерть. Первое, что я почувствовал, войдя в морг, был запах смерти. Только потом я увидел Адгура, который лежал на столе в середине комнаты. Стояла жуткая тишина, нарушаемая лишь моими слезами, которые зашлепали по каменному полу. Я стал плакать навзрыд, как плакал в детстве.

Через некоторое время я вспомнил, что у Адгура с собой непременно должна быть его белая тетрадь, с которой он был неразлучен, и подошел поближе. Снаружи её нигде не было видно, а при попытке осмотреть карманы мне внезапно показалось, что у Адгура есть пульс. Показалось ли? Его рука действительно была тёплой, и я явственно ощущал его пульс. По моей коже прошел мороз, я скривился от боли. Наверное, страшен был мой вскрик от испуга, когда рядом со мной словно из ниоткуда появился мужчина в белом халате и шепотом сказал, что он врач. Таким же странным шепотом он попытался успокоить меня:

– Бывает, что при смерти близкого человека нам кажется, что у него прощупывается пульс и что он ещё жив...

– Может, он и вправду жив?.. – нерешительно перебил я его, но мужчина в белом халате покачал головой и прошептал:

– Пуля попала прямо в сердце. Я врач, так что можете мне верить – его уже нет в живых.

Мне снова перехватило дыхание, но через некоторое время я вспомнил про белую тетрадь и объяснил врачу, что искал. Он ответил:

– Посмотрите в карманах брюк.

Только теперь я по–настоящему рассмотрел камуфляжные штаны Адгура, к которым с обеих сторон были пришиты большие карманы. Тетрадь, точнее блокнот, лежала в левом и когда–то определенно была белого цвета. Я тут же раскрыл её и не сходя с места, в свете свисающей с потолка одинокой лампочки, прочел надпись, с которой начинался сборник стихов Адгура: «Мама, это посвящается тебе, только я хочу, чтобы ты знала, что я уже вырос и пользуюсь мылом, когда мою руки. Знай, что где бы я ни был, я всегда помню тебя, так как знаю, что именно ты любишь меня, как никто другой...»

КОГДА ПЛАЧЕТ РЕБЕНОК

ГУНДА САКАНИЯ

Моя 106–летняя бабушка прожила долгую и интересную жизнь. Она пережила все войны, которые произошли за это время, но это не мешало ей относиться к жизни с юмором и любовью. Утро у нее начиналось с рюмочки абхазской чачи, ажъахь-уатка, горячая смесь, которая заряжала с утра особой энергией. И, конечно же, с чашечки крепкого кофе с сигаретой. Табачный аромат мгновенно возвращал ее в далекую молодость.

Под дымок она молча уходила в тишину воспоминаний, в нирвану, где оставалась наедине с собой, и в этом ей никто не мог помешать. Открывался занавесь театра ее жизни, где она была, одновременно, и в главной роли и зрителем.

Как– то раз я спросила ее: Нану, а что там после ста лет, скажи, как складывается жизнь потом?

Она ответила, немного смутившись, как ребенок и заплакала. Она на глазах превращалась в белую одинокую птицу, которая вот–вот взлетит в небо и никогда не вернется на землю.

«Сожалею лишь о том, что не осталось моих ровесников, с кем можно поговорить по душам. Только они могут понять меня и выслушать. А ведь, впереди меня ждет целая вечность... Удивительно, что на закате жизни дни становятся долгими, а ночи бесконечными. Я устала жить и ждать. Хочется лишь молча, про себя молиться.»

Спустя несколько дней, ранним утром прилетела белая птица и улетела. Тогда с ней улетела и душа моей бабушки. Как будто бы ничего не произошло... Прошло всего лишь 106 лет... А я ощущала себя еще ребенком, несмотря на то, что мной уже был прожит пятый десяток...

В то утро плакал ребенок...

Когда умирает старик, плачет ребенок ...

Плач ребенка, звук вертолета. Точнее звук лопастей, превращающий вертолет в огнедышащее существо, выбирающее лучших юношей и девушек, и пожиравшее их молниеносно.

Время остановилось...

Кажется, что день 14 декабря 93-го завис в памяти так, что то ощущение ко мне возвращается без конца.

Мне холодно, как никогда. Смерть подобралась так близко. Чувствую ее холодное дыхание. Кажется, что время навсегда задержалось в воспоминаниях. Хочется время повернуть вспять, чтобы вернуться назад в детство. В то райское утро, где ты жил в мире, где нет ни войны и даже нет страха войны. Есть, просто, жизнь, где все тебя любят и ждут.

14 декабря, вот пошел первый снег, морозец, необъяснимый страх. Запах холода, крови. Запах войны и слез. Душераздирающие крики плачущих...

Обугленные тела на белых простынях, как свечи, как жертвенные агнцы на закланье. Кричащая боль... Нечеловеческая боль, которая постепенно превращает тебя в камень. Где застывает огонь и вода. Когда слеза превращается в кровь, а кровь – в слезу.

Что изменилось за эту вечность? Ничего. Война не меняет своего лица, не снимает с себя холодную маску. Безжалостно меняет свое одеяние. Война бесконечна. И будет ли конец?

Цхинвал. Дом правительства. Война.

Люди замерли в ожидании. Нарастающее чувство безысходности. Но надежда не покидает до последнего каждого. Человек верит в то, что не будет войны. Но война не спрашивает, она становится реальностью. И ты ее переживаешь. Под ногами горит земля. И ты невольно становишься воином. Но ты не один. За тобой родные, близкие, любимые. Все, что составляет твою жизнь.

Приехал в Цхинвал наш «спаситель мира», «спаситель душ». Непредсказуемый Шеварднадзе. И с собой принес мир. Толпа ожидающих его оживи-

лась. Ребята засуетились.

Ко мне подошел мой давний друг Зыв-зыв. Он сейчас был похож на тигра, но только без полос и хвоста. Он метался. Все вокруг замерли в ожидании. Я понял, что мои друзья хотят взять Шеварднадзе в заложники, в залог мира... И где же обещанный им мир?...

Пока охоту готовили на него, он в суматохе проскочил через толпу, сел в свою белую машину и исчез. Где-то через час начался обстрел Цхинвала.

Я с ужасом думал о том, что приносит в мир каждый человек и с чем уходит. Мне хотелось увидеть его в детстве, увидеть его лицо, глаза, взгляд. Услышать голос, смех, плач его. Увидеть ту женщину, которая дала ему жизнь. Услышать, как пели ему колыбельную песню. Мне хотелось только молиться за него. И просить господу остановить его в детстве, чтобы он не сотворил зла. Чтоб он остался таким невинным, чистым... просто ребенком. Чтоб матери не плакали за убиенных им детей, чтоб жены не провожали на войну мужей, чтобы, просто, не было войны.

Звук лопасти вертолета... Я был свидетелем этой страшной трагедии, где обожженные тела лежали на белых простынях, как погасшие свечи. Невозможно выразить то, что ты ощущал словами. Хотелось просто кричать от бессилия перед жестокостью. И сегодня звук лопастей преследует меня везде. Он в сердце, в ушах, в душе. Звук вертолета...

Этот огромный огненный Титан, который безжалостно пожирает своих собственных детей. Звук лопастей как выстрел в сердце. В сердце каждого из нас. Он, который пытается уничтожить память прошлого. Но он, как и мы, перед памятью бессилён. Прошлое невозможно убить. Оно медленно убивает нас.

Когда плачет ребенок – умирает старец. Когда старец улыбается – рождается ребенок.

А с чем он пришел в этот мир?!

Будем молиться, чтоб он пришел с миром.

НЕКУДА ОТСТУПАТЬ...

ТАМАРА ТЕРАШВИЛИ

*Одно из главных последствий войны
состоит в том, что люди, в конце концов
разочаровываются в героизме.
К. Воннегут*

Лет шесть тому назад я серьезно заболела. Врачи у нас беспомощные. Это меньше касается их способностей, скорее они просто являются не самым лучшим продуктом своего времени. Но сути это не меняет. Они изо всех сил пытались мне помочь...но не знали как...

Мать всякий раз понуро стояла рядом с ними, сникая от своего бессилия с каждым днем...

– Ей нужен отдых, – единственный рецепт, который обязательно прописывал врач после каждого визита так, словно это должно было обязательно спасти меня. В такие моменты я краем глаза наблюдала за матерью, для которой эти слова звучали, как ее собственный приговор.

Самым любимым моим занятием в этот период было спать и видеть сны. Во сне я могла перемещаться куда угодно. Мне удалось облазить всю восточную часть континента, и, наконец, я попала в Анкор–Ват, хотя к тому времени я успела даже во сне немного потерять к нему интерес. Была в Африке, там, где жила раньше. Я была здоровой и молодой негритянкой с длинными пальцами рук. Я часто видела их во сне, свои руки. Они были такие коричневые, а ладони словно мелом покрыты. А еще я была в каком – то городе, в нашей местности на Кавказе. Между морями. Только я не припомню, чтоб такой город был на карте мира. Кажется, там все вообще было по–другому – города, и страны.

А однажды вижу сон...я вышла на застекленный балкон нашей квартиры выглянуть во двор. Почему – то одно окно справа плохо закрывалось и, еле держась петлями за раму, как–то обреченно и тревожно свисало

среди остальных. Я подошла поближе, но не из-за окна, а потому что мое внимание привлекли странные вещи. Странные и ужасные. Окно было лишь предвестником этих вещей... Справа на северном горизонте вырисовывался силуэт зверя, который очень напоминал льва. Силуэт был дымчато-алый, еще и потому, что рядом... заходило солнце. Как странно! Оно заходит не там, где должно... от этого зрелище казалось еще более пугающим. Постепенно на силуэте начали образовываться маленькие скачущие серые точки. Словно это блохи скакали на гриве у льва. Блохи стали размножаться со стремительной скоростью, их становилось все больше и, спустя некоторое время, картина с горизонта начала перемещаться в город. Блохи стали прыгать с гривы по направлению к городу, представляя вблизи огромными стальными монстрами. При этом за раз такой монстр перепрыгивал два или три квартала. Их панцирь или кожа с голубовато-серебряным отливом, хотя она скорее напоминала металлический сплав, сильно контрастировала со спокойной городской картиной. Они не были одинаковыми, я увидела это, когда они буквально начали падать на город с неба. У одних были рога и длинные когти и клыки, другие летали по небу с короткими плавниками за спиной, похожими на крылья. Снизу было видно, как они дождем сыплются на город. Один из них пролетел мимо окна. Я отшатнулась, но сразу же высунулась обратно. Дети. Внизу недалеко от нашей высотки играли дети. Наш высотный дом был последним на улице, дальше начинался район одноэтажных частных домов. Со двора одного из них и доносились детские голоса. Нестерпимое чувство опасности! Что-то решило, что в такой ситуации это слишком большой стресс для меня. Я проснулась. Было прогорклое чувство тревожной тоски, как после просмотренного кино.

За последние месяцы мое сознание привыкло не спеша, долго возвращаться в реальность. Я стала просыпаться поздно. Мои часы смешались. Идти куда не надо, и я могла грезить обо всем на свете 24 часа в сутки, не забывая при этом поесть и сходить в туалет. Походы в туалет стали занятыми в последнее время, так как меня туда водили, поэтому являясь практически единственным движением за весь день, они стали своего рода прогулками. Вот так. Так человек приспосабливается к новому урезанному пространству.

Я стала мало читать. Глаза мои стали так чувствительны, что утомлялись быстрее, чем книга успевала меня заинтересовать. Поэтому все книги, за исключением «Крестового похода детей», которую я все же не бросала читать, мама поставила обратно на полки.

В это утро она зашла какая-то тихая, но радостная. Мне стало тоскливо от того, что у нее появилась надежда. Ее хрупкие, коротко стриженные белые волосы вились над лбом, загибаясь назад. Взгляд был мягкий. Однако, огонек в ее глазах исчез, как только она взглянула и увидела мой сосредоточенный вид.

– давно проснулась?

– Ага, – соврала я...

– А почему не позвала, ты как?

– Да, читала, – сказала я заинтересованно. Ее беспокоило, что я все время в каком – то забытье. Она боялась, что я однажды могу из него не выйти. Поэтому даже незначительная направленность моих действий подпитывала ее надежду, за которую она цеплялась изо всех сил. Я ненавидела себя за то, что причиняю ей боль. Борьба в ее душе приобретала какой-то гротескный характер. Она сидела рядом, о чем-то говорила и иногда глаза ее светились каким-то торжественным смирением, каким-то даже величественным. Мне становилось жутко и одиноко. Это она болела в такие моменты. Этот странный потусторонний блеск в ее глазах, оцепенение...

Она никогда не позволяла себе удариться в воспоминания из прошлого. Всегда припасала какую – нибудь жизнерадостную историю на вечер. Немного неестественную. Вымученное веселье давалось ей с таким трудом, что, казалось, готово было подкосить ее с очередным рассказом. Я слушала ее и смеялась, и надежды становилось чуть больше.

В этот вечер мама пришла с работы позже обычного. Еще с прихожей, наспех сняв только обувь, зашла в мою комнату, немного запыхавшись...

– Ма, привет! – как могла, соврала я ей. Но последний звук осекся и запал мне в горло. За несколько месяцев я впервые увидела ее настоящую. В спешке она забыла принять прежний вид, и обнажила всю свою усталость. Ее метущиеся глаза все время искали, за что зацепить взгляд, любую иллюзию, и не находили. Ее судорожные движения и одышка казались безумием. Я осталась одна в этот момент. Она зашла, улыбка слабо держалась на ее губах, неспособная держать уголки рта. Глаза ее устало блестели. Она запыхалась, но старалась не создавать много суеты вокруг,

боясь лишний раз пошевелить воздух, будто это могло отразиться на моем состоянии.

– Ох, я спешила...

– Зачем? – не выдержала я.

– Просто у меня собралась работа, надо готовить отчет к концу года и пришлось..

– Мама! Я не умираю пока! Я здесь и живая!

Она посмотрела на меня так, словно не поверила моим словам.

– Девочка моя, ну что ты?!

– Хватит! Если врачи не могут помочь, тогда хватит притворяться, что все образуется...

Я помню, что старалась говорить спокойно. И даже относиться к этому так. Но волнение было сильное, и мелкая дрожь рябью отстукивала на моих словах. Она замерла. Ее отчаяние, которое она так тщательно сдерживала в последнее время, прорвалось, и она заплакала. Но это не остановило меня. Наоборот, я повысила голос и стала отчеканивать слова с расстановкой. Мне казалось, что для нее сейчас нет ничего важнее ее слез.

– Ты не живешь все это время, ты не понимаешь?! Чем упорнее ты делаешь вид, что все образуется, тем хуже тебе становится с каждым днем. Если же ты веришь, что мне станет лучше, нам надо что-то предпринимать. Вместо этого ты каждое утро ждешь чуда, что я встану и все это прекратится.

Голос мой звучал тихо...

– Ну что же мне сделать?

Этот вопрос вывел меня из себя.

– Ваше поколение совершенно нежизнеспособное, неверующее и рабское!

Выросшее в страхе и смирении перед внешними обстоятельствами! Ты и с моей участью смирилась так же. Знаешь почему была война, почему ты потеряла свой родительский дом, свою юность?! Потому что вас учили, что о вас позаботятся наверху. А если вдруг нет – то ничего. Главное – затаиться и ждать. А вась ничего плохого и не произойдет. Если все кругом говорят, что быть войне, то вы надеетесь, что авось вас это не коснется. Авось, пронесет твоего брата, которого она все – таки коснулась, и он спасется, отстреливаясь от своего страха Калашом в самом пекле. И даже, когда куска от него не осталось, вы все ждали, что как–нибудь да перенесете. И перенесли... до следующего раза.

– Теперь ждешь, что и со мной придется перенести. Чуть ли не ждешь, чтобы поскорей, пока есть силы терпеть...ты уже готова это перенести! Я хочу жить, и пока я здесь...

Я замолкла. Не хватало сил, чтобы заплакать. Ей Богу! В этот момент я была готова испустить дух! Мне придавали сил обида вперемешку со злостью! Мне хотелось наорать на всех, встряхнуть их. Что они вздумали раньше времени поднять руки!

Мама стояла потупив взор и плакала. Немного успокоившись, она присела на кровать, положила руку на мою ногу. Я всегда ждала этого момента. Когда лекарства не действуют, начинаешь ждать простого прикосновения рук, как панацеи.

– Твой дядя ушел, он верил в свою войну, верил, что сражается не зря, за идею. Плохо или хорошо, что он умер за нее или просто умер за что–то – никто не знает. Никто не объяснит мне, почему гибнут одни, а другие живут долго. Если бы хорошие люди жили долго, а плохие умирали – я бы посчитала, что мир охвачен безумием. Ведь нет хороших и плохих. Все люди. Потому и нельзя говорить, плохо ли или хорошо, что одни умирают на войне молодыми, а другие – в теплой постели в глубокой старости. Нам лишь остается плакать, мы никогда не готовы отпустить их.

Ее печаль и какое – то детское выражение лица еще больше делали ее безумной. Она вспомнила о юности, о том, как застряла в деревне у бабушки перед началом войны, когда ее ждала перспективная, по ее словам, учеба в Будапеште.

Она несколько рассказывала об этом случае. Конец августа. Ей всего 19, и предвкушение свободной и необремененной студенческой жизни вдали от родителей. И вдруг война! Мысль о том, что ее друзья, которым с перспективами повезло меньше, и вовсе могут не выучиться, не укладывалась в голове и вызывала отчаяние. Более того, она сама могла не выбраться из деревни, где располагалась военная база войск, с которыми и предполагалось воевать. Она никогда не забудет офицера с этой базы, чьи глаза чистого небесного цвета с отнюдь нечистыми помыслами глядели на нее тогда. Что это было? Угроза? А может ее собственный страх отражался в глазах молодого офицера? Это всегда момент истины, узнать, что это было тогда – реальная угроза или собственный страх? Ответ на этот вопрос определяет даже войну.

Ей было 19, и она хотела жить, также как я сейчас. Учиться, радоваться жизни, а вместо этого неопределенность в селе. К тому же она узнала, что ее друг пошел добровольцем в армию и от этого в воздухе свисали огромные камни, готовые погрести ее заживо.

Ее с детства учили, что мужчины должны быть храбрыми, но она хотела, чтобы они были трусами, лишь бы оставались живы. Она сама готова была стать вровень с ними ради этого. Ее пугала мысль, что когда-нибудь придется положить цветы к могиле одного из друзей. В такие моменты она сама хотела быть мужчиной – от отчаяния и желания уберечь.

Это была тяжелая ночь. У меня поднялась температура. Я начала бредить. Мне снились горы, покрытые зеленью. Я видела себя здоровой, идущей по тропе, но стоило мне пошевелиться и ступить шаг, все вокруг начинало шевелиться, и зеленая трава змеями расплзалась по сторонам. Я боялась наступить на них, они были повсюду, и с каждым моим движением двигались и они. Змеи, везде одни змеи.

Я очутилась где-то среди домов и улиц, где явно было оживленно. Разбитые улицы и дома. Туда – сюда снуют люди. Рядом разрушенный дом, где видно все, что было внутри. Почему – то передо мной предстала ванная комната, целая и невредимая. Остальные были разрушены. Вдруг из ванны высовывается голова женщины, а потом и она сама, одетая, но вся в мыле. Мыло на ней засохло, что явно причиняло ей сильный дискомфорт, и она то и дело морщилась при каждом движении от того, что кожа стянулась.

– Да вот! – оправдывалась она, – хотела искупаться, успеть подготовиться к войне...

С этими словами из-за угла показался человек и крикнул : «Кто тут сказал «война». Стоять!». Я обмерла. Женщина из ванной тоже.

– Ни с места! – человек в белой майке–алкоголичке наставил на нас пистолет. Он заставил нас встать друг за другом и идти вперед, подняв руки. Но почему–то он не потребовал, чтоб я их подняла. Словно у меня их и не было. Я и сама не могла найти свои руки во сне.

Пройдя немного, я развернулась и вцепилась в пистолет. В ответ он начал как–то неуклюже тянуть его на себя. Сцена была похожа на то, как двое детей дерутся из-за игрушки. В какой-то момент пистолет выскользнул из моих рук, он быстро среагировал, и, отскочив в сторону, выстрелил. Сверкнули голубые глаза, а за ними три пули. Но, как только они вылетели из ствола, застыли в пространстве. И все вокруг замерло. Пули, как в замедленной съемке приблизились ко мне, и тяжелым свинцом упали на землю. Я посмотрела вниз. На земле лежало тело женщины из ванной.

Еще не рассвело, когда я проснулась от этого жуткого сна. У меня было гадкое ощущение того, что все это еще предстоит пережить. Я вспомнила тело женщины и поняла, что отступать некуда...

ВОРОБЕЙ

МАРИАМ ХИДЕШЕЛИ

Воздух пропитан запахом сожженной резины, – я сижу в подъезде, на лестнице и прислушиваюсь к голосам, что время от времени доносятся со второго этажа, – дядя слушает рацию и я почему-то жду, что вот-вот он выйдет и скажет мне, что война закончилась, – мне сейчас необходима эта определенность. Не знаю почему это так важно, – если даже дать определенность, то случившегося не изменить, – но мне важно, просто так важно. Смотрю на свои ноги и думаю, что ничего не будет так, как прежде. На мне белые кроссовки, – я их купила ещё в прошлом месяце и не собиралась одевать до начала учебного года, а теперь думаю – стоит ли ждать, пока эта война закончится?

– Не сиди на ступенях, – я оборачиваюсь и встречаюсь с серыми глазами дяди Бирага. Он держит в руках карабин и спускается вниз, – лестница холодная, ты всё себе отморозишь, – он улыбается мне своей привычной улыбкой и на мгновение создается иллюзия, что он не выходит в этот страшный и небезопасный мир, а так, идет гулять и пить пиво с друзьями, – а вечером он вернется с корзиной свежей клубники и мы до утра будем болтать.

– Эй, – он стоит уже у выхода и поворачивается ко мне, – хоть ради приличия сделай вид, что слушаешь меня! – я улыбаюсь ему в ответ и встаю, а он подмигивает мне, – до встречи, Зарина! – он скрывается из виду, я лишь на мгновение улавливаю блеск карабина в его руках и выбегаю сразу за ним, но он уже садится в машину дяди Шамиля и они уезжают, – почему-то мне хочется прокричать ему, что Ахсар – мой старший брат, ещё не успел хорошенько почистить его оружие, что нельзя его так забирать, но я не успеваю произнести и слова, – лишь только комок застревает в горле и мне кажется, что я задохнусь.

– Зарина! – мама стоит на балконе, измученная и усталая. – Иди в дом! – и несмотря на то, что в дом мне совершенно не хочется, я киваю и поднимаюсь наверх.

Ахсар сидит за столом и вертит в руках старую газету, – он выглядит сонным, хотя каждый вечер рано идет спать. Иногда я смотрю на него и не узнаю, – не то чтоб раньше он был вечно веселым парнем, который не умолкает, но сейчас из него и слова не вытянешь, – в последнее время он часто задумчивый и отстраненный, словно нас и нет вокруг него.

– Дядя уже ушел. – Каким–то приглушенным голосом говорю я ему и подхожу ближе, но Ахсар даже не поднимает на меня взгляд и продолжает смотреть в сторону.

– Знаю, – отчужденным тоном отвечает он мне и я чувствую комок, который снова подступает к горлу.

– Почему бы тебе не спросить, где он пропадает? Это ведь лучше, чем пялиться на его куртку часами? – я опускаюсь перед ним, но он всё равно не смотрит на меня.

– Мне всё равно.

– Это не так! – я стараюсь заставить его посмотреть на меня, но безрезультатно.

– Только не надо сейчас снова травить мне мозг разговорами про то, что у нас война... – он раздражается почти моментально и наконец–то встает со своего места, бросая газету на стол.

– Но у нас и правда война! – кричу я ему и тоже вскакиваю.

– Как ты не понимаешь, мы всё равно рано или поздно все подождем! – в его голосе столько обиды и злости, что мне хочется закрыть уши руками, – это не так, не так, не так.

– Не говори так! – я срываюсь на крик и чувствую, что ещё немного и разрыдаюсь от обиды и боли.

– Это вопрос времени, Зарина! Днём раньше или днём позже, мы всё равно все подохнем на этой проклятой земле, защищая какие-то тупые идеалы, которые, по сути, никому и не нужны! – Ахсар наконец-то смотрит на меня и бросает эти слова словно ножи, – я чувствую каждый удар собственной кожей.

– Нет! Нет! – отчаянно мотаю я головой, – Это не так, мы не...

– Хватит с меня этого юношеского максимализма, конец везде одинаков. Ты хочешь знать, кого я поддерживаю в этой поганой войне? Да никого. Все они одинаковые. ВСЕ. Все идут убивать людей, так что не жди от меня... – но он не успевает закончить, так как мама выходит из кухни, – с заплаканными глазами и дрожащими руками.

– Ахсар! – она пытается ухватиться за его плечо, но мой брат вырывается и подхватывая руку, направляется в сторону дверей. Мама бежит за ним, – Куда ты?

– Никуда. Подышу воздухом. – Коротко отвечает он.

– Не уходи далеко, сейчас небезо... – отчаянно молит она его, но голос её под конец подводит, Ахсар же скрывается за дверями.

– Это не так... – твердо говорю я. Мама поворачивается ко мне, но ничего не отвечает, – ЭТО НЕ ТАК! – повторяю я ещё раз.

– Я налью тебе чай, – и она снова уходит на кухню, оставляя меня наедине с этой неопределенностью, что нависает надо мной, – нет, я не чувствую ни страха, ни отчаянья, мне просто необходимо чтоб всё это закончилось.

Просто закончилось.

А тем временем ничего не заканчивается, и это не проходит. Дядина куртка продолжает висеть на том же самом месте, – я время от времени останавливаюсь перед ней и долго смотрю на неё. Он не возвращается, а звук летающих над головой вертолетов становится привычным, – это и страшнее всего. Я снова сижу в подъезде на лестнице, когда мой брат возвращается с прогулки, – мы с ним почти не разговариваем последнее время.

– Снова тут сидишь? – спрашивает Ахсар, а я лишь киваю ему в ответ. Он останавливается рядом со мной и недолго раздумывая спрашивает, – Дядя ещё не вернулся? – Я качаю головой. – Не засиживайся тут, мама снова будет волноваться, – он уже начинает подниматься наверх, когда я резко поворачиваюсь к нему.

– Алания проиграла! – он останавливается на мгновение, но не поворачивается ко мне.

– Я знаю.

– Я подумала, что раз уж ты не смог попасть на игру, то захочешь знать. Говорят, что игра была не такой уж и интересной... – я говорю второпях, так как боюсь, что он уйдет и я просто не успею сказать ему всего, – всего, что можно вложить в одну фразу о том, что Алания проиграла, – а он тем временем начинает подниматься.

– Мне плевать. – Коротко отвечает Ахсар и закрывает за собой дверь.

– Правда..? – едва слышно произношу я в пустоту и мне хочется повернуться к нему, догнать его или вообще выломать эту чертову дверь, но когда я уже собираюсь встать, то вижу, что ...

У меня на ноге сидит воробей. Весь съезжившийся, словно от морозной зимы. Он чуть дрожит и сидит на моих белых кроссовках, никуда не собираясь улетать. Я чуть наклоняюсь, бережно беру его в свои ладони, – он не сопротивляется, не старается улететь, – я подношу его к своему лицу и прижимаюсь губами к его маленькой головке, – ему ведь тоже сейчас страшно.

– Как ты здесь оказался, родной мой? Никак не привыкнешь к звукам вертолетов? Почему, почему вы не улетаєте? – на последней фразе мой голос ломается и шепот постепенно переходит в рыдание, так как у меня в руках воробей.

Маленький, хрупкий, неповинный воробей и мне кажется, что теперь я всё понимаю... но тем не менее, я рыдаю и не могу остановиться, так как мы с ним сейчас совсем одинаковые.

СЛАБАЯ АРГУМЕНТАЦИЯ

АЛАН ЦХУРБАЕВ

– У тебя все нормально? – мужчина в кресле явно пытался показаться равнодушным. Впрочем, закинутая нога на ногу немного разрушала этот образ.

– Ты меня уже второй раз спрашиваешь. – а она наоборот, все стояла у окна, как будто ждала увидеть там кого-то, и этим выдавала свое волнение.

– Просто у тебя такой вид... – не отставал он.

– Вид как вид.

– Я подумал, может что-то случилось?

– Ничего не случилось.

– Ладно...

Вид за окном был не особый. Дома, да горы за ними.

– У меня обычный вид, – повторила она, не отворачиваясь от окна.

– Ладно, – повторил он.

В обычные дни они могли и помолчать, но сейчас, когда в комнате наступала тишина, эти неловкие паузы тут же превращались в громадные глыбы льда, которые с тех гор за окном падали прямо на пол их комнаты и с грохотом разбивались.

- Просто он уже второй день не звонит, вот в чем дело. Пропал и не звонит.
- Я уверен, что он скоро появится.
- А отчего это ты так уверен? – тут она наконец развернулась к нему и окинула его взглядом, как будто впервые увидела. Мужчина молчал.
- Ну я понимаю, что ты хочешь меня приободрить. Но нельзя говорить, что ты уверен, когда ты ни черта не уверен.
- Ну просто, он значит просто не может, вот и все. – Начал он оправдываться,
– Ты думаешь у них там на войне все с мобильниками что ли? Просто он наверно там занят и все. И не может тебе позвонить.
- Да я сама знаю, что он там занят, это война в конце концов, война, я все понимаю – она даже начала немного повышать голос. – Они там все только и заняты тем, что стреляют друг в дружку, а потом кто–нибудь умирает, а кто–то едет домой. Вот этим он сейчас там и занят, я все понимаю.
- Тебе просто надо успокоиться, я понимаю, что ты нервничаешь, – мужчина в кресле действительно изо всех сил пытался быть внимательным, он даже опустил свою ногу на пол, но подыскивать нужные слова у него получалось все же не очень хорошо. – Просто, отвлекись на что–нибудь.
- Ну да. Может мне книгу почитать? Какую например? Посоветуй мне что–нибудь. Вон смотри сколько их тут, сотни. А ведь он их все перечитал! – она бросила рукой в сторону высоких книжных полок, – кого тут только нет, гуманисты чертовы. И знаешь, все, что они писали, все абсолютно бессмысленно, я это сейчас поняла, совсем не имеет никакого смысла. Они пишут свои умные книжки, а потом тот, кто их читал и восхищался ими, идет на войну и умирает там. И что? Ты думаешь он перед смертью будет думать о книгах? Думаешь они ему помогут? Черта с два. Никакого от них толку.
- Но книги не для этого. Книги, они чтобы...
- Ну да, еще скажи, что книги делают наш мир лучше и добрей, – перебила она его.

– Ну, в чем-то конечно делают, – неуверенно сказал он после паузы.

– Ты серьезно? У нас тут под задницей идет война, а ты рассуждаешь о пользе искусства? Вот, слушай, – тут сверху как раз вновь послышался шум вертолета и она подняла палец к небу – вот оно, все твоё искусство. Сейчас упадет на нас в виде стокилограммовой бомбы. Вот это будет инсталляция! Перформанс!

Спорить у него как-то явно не получалось, и он решил промолчать, а она вновь отвернулась к горам.

– А знаешь, почему я вышла за тебя замуж? Ну в том числе? – неожиданно продолжила она, – Потому что тебе плевать на книжки. Тебе нет дела до всего этого. Ты просто говоришь банальности о том, что они делают мир добрей, но сколько из них ты прочитал? Пять? Две? А мне это нравится, честно. Это хорошо. Ненавижу всех этих интеллигентов, которые кроме своих книг, ни черта в жизни не видят. Живут чужими жизнями, разве не так? А знаешь почему я развелась с ним? Ну в том числе? Потому что он задолбал своими книгами. Он был везде, но только не здесь и не со мной. Он был на подводной лодке, в горах и в море, но только не в этой долбаной квартире и не рядом со мной. И каждый вечер он мне рассказывал, где он побывал и что он видел.

– Но вот только сейчас он на войне, – сказал в очередной раз банальность мужчина.

– Вот именно, черт побери, вот именно, на настоящей войне. Совсем не как в книжках. Потому я здесь и стою и нервничаю как дура, потому что он отложил их в сторону и взял ружье или что там у них бывает. И сейчас сидит наверно в каком-нибудь дурацком окопе, и думает о книжках, я же его знаю. Витает в облаках. Он ненормальный. Потому я и волнуюсь. Был бы воякой, я бы так не психовала, ей-богу!

Тут дверь в комнату открылась и внутрь вошел старый дед.

– Ты не знаешь куда эта старая сумасшедшая подевала мои очки? – эта фраза так не вписывалась в их диалог, что она и не сразу отреагировала.

– Нет, дед, я не знаю куда бабушка положила твои очки.

– Эта старая сумасшедшая совсем из ума выжила, вечно куда–нибудь их засунет и забудет. На тот свет ей пора, ей-богу... – продолжая ворчать, дед вышел из комнаты, так же шаркая тапочками по полу.

– А знаешь, почему развелся я? Ну раз у нас тут вечер откровений? – предложил он свою тему, как будто решил выйти за круг своих банальностей.

– Ну, в общем, я такой лежу себе на диване, представь, слушаю Битлз. Ну, ты знаешь, это мое любимое занятие, лежать на диване и слушать Битлз. Может я и не читаю книжки, но музыку я люблю. Может потому что не надо ни о чем думать, как после книг, просто слушаешь и получаешь удовольствие. Ну, в общем, лежу я как обычно, и тут она такая, а у тебя нет, говорит, случайно записей Пресли? Она еще в этот момент красилась перед зеркалом, а я просто лежал и ждал, когда она закончит, и тут она такая, Пресли, говорит, нет у тебя?

Тут он почему-то замолчал. Как будто сам не понял к чему он это рассказывает.

– И что дальше? – ей как будто стало интересно.

– Ну как что? Это же шел уже четвертый год нашей жизни вместе, и всякое бывало, ну, понимаешь, и хорошее и плохое. Но за все это время это было ее первой, самой первой попыткой завести разговор о музыке. Да потому, что ей вообще музыка неинтересна была, только ее вышивания ей и были интересны, ну еще йога, она с ума по ней сходила, а больше ничего, серьезно. Поэтому, я сначала даже ее не расслышал, что, говорю, ты сказала, и приглушил звук. А она красится и повторяет, Пресли.. И тут мне стало действительно хреново, как, наверно, не было после ни одного скандала, ни после одной разбитой тарелки, серьезно. Пресли, черт побери! Я, признаться, и забыл кто это такой. Прожить вместе со мной три года и не знать даже немного о моих музыкальных вкусах? Настолько мне стало хреново, что я встал с дивана и... и понял, что это действительно конец.

– Подожди, так ты не любишь Пресли?

– Да я ненавижу этого козла.

– Понятно. А ты случайно не бросишь меня после этого вопроса, нет? мы в принципе не так давно женаты...

– Мы, два месяца...

– Мм, значит у меня еще есть время... Постой, так ты же говорил они встречались даже? Ну, Битлз и Пресли?

– Ну да, встречались как-то. Что с того? Битлз чуть ли не полгода просили его о встрече, и при этом даже ни одной фотки с того вечера нет. Он запретил фотографироваться.

– Почему?

– Да кто его знает, странный он был. Понапридумывал вокруг себя всяких мифов, а по сути, чего он стоил? Из-за чего шумиха? Ну, спел пару чужих хитов вовремя, вот и все.

– Ну, не знаю. Мне нравились какие-то его песни.

– Так это не его песни.

– А он их сделал своими. Хотя ладно, не спорю. А то возьмешь и бросишь меня, а я сейчас к этому как-то не готова.

– Я не это хотел сказать.

– Я знаю. Я пошутила.

– Ладно, – ответил он, чувствуя, что его история все же заняла какое-то место в ее голове и смогла ненадолго отвлечь. – Это хорошо, если ты еще шутишь.

Дверь снова со скрипом открылась и в комнату заглянула старая женщина.

– Этот старик окончательно спятил, – начала она возмущенным голосом, – Ты знаешь что он сделал?

– Что, бабушка? – как-то безучастно ответила ее внучка, – что он натворил, давай, расскажи мне.

– Он включил на всю громкость телевизор, а у меня голова от него болит.

– Ты же знаешь, он плохо слышит.

– Но при этом он читает газету!

– А, значит он нашел свои очки?

– Ну конечно, я их спрятала, чтобы он не шелестел своей идиотской газетой, я от нее заснуть не могу.

– Значит, ты их плохо спрятала, бабушка, – также проявляя минимум участия, отвечала она.

– Я их в холодильник упрятала, а он их и там нашел как–то. Вот видишь, притворяется склеротиком, но когда ему что–то нужно, очень даже хорошо его голова работает. Идиот старый.

– Ты спрятала их в холодильник?

– Да, за маслом положила, он же не любит масло, вот за ним и спрятала. А он и там нашел. Всю жизнь мне испортил, только могила его исправит.

Старая женщина закрыла дверь, а ее внучка вдруг начала в голос смеяться. Да так, что даже ненавистник Элвиса Пресли начал улыбаться в своем кресле.

– Кажется они друг друга сами и загоняют в могилы, – сказала она, когда успокоилась, – и это совсем не смешно. – Слушай, наверно надо посмотреть новости, может там что–нибудь скажут. Хотя там только и говорят, что «есть жертвы», но ничего конкретного... Если бы я хоть знала где он сейчас находится, в какой части, я бы может нашла бы его.

– Он обязательно найдется.

– Да–да, ты уже говорил, – напомнила она и начала снова, – вот зачем он вообще туда поперся, никак не могу понять? Если бы там от него еще польза была... А ты знаешь, что он ведь мог туда вообще не ходить, знаешь? У него одноклассник в министерстве работает, ну по этим делам, военный в

общем. Я ему сто раз сказала, чтобы он ему позвонил, сто раз! А этот нет и все, наотрез. Принципиальный. Вот начитался книг вот этих вот всяких, и принципиальным стал, честным таким. Я ему говорю, ну зачем ты туда идешь, ну где ты и где война, ты же дальше библиотеки нигде и не был никогда, а он говорит, «пришло время», представляешь? Еще и пафосно так, паузу выдержал, голову опустил и говорит, «ну, значит, пришло мое время». Какое еще к черту время? Ты что, избранный? Ты долбаный Брюс Уиллис или кто ты? – ее голос звучал все громче, – Спасителем себя возомнил... Да и ради чего туда идти? Рисковать собой? А он мне знаешь, что говорит, он говорит, я за этого президента голосовал, и должен выполнять его приказы. Ты представляешь? Представляешь что за бред вообще? За президента пойти воевать! Вот за этого нашего идиота ненормального идти воевать? Я говорю, это же не прогулка, там стрелять надо, а он мне знаешь что? Вот только послушай, а он мне такой, я, говорит, мимо стрелять буду. Мимо... Ты представляешь себе это? Ты просто можешь себе представить себе какой он сумасшедший? – Ее кажется уже трясло, – то есть, все будут в него целиться, а он будет мимо, ты представляешь? Это безумный человек, который в каком-то своем вымышленном мире живет, и знаешь, я на двести процентов уверена, что он так и делает. Он играет, понимаешь, играет с жизнью, по всем правилам и принципам, которые вбил себе в голову. Сумасшедший! Но так нельзя делать, это же эгоизм, он не думает о людях вокруг, не думает о своем сыне, обо мне в конце концов, только принципы! Принципы и порядочность! Раз президент сказал, то надо идти. А то, что президент больной на голову, неадекватный самодур, его это не касается.

Тут дверь в комнату вновь открылась, на пороге показался дед.

– Вы тут пока ругаетесь, а ты даже не представляешь себе, что эта маразматичка натворила, ей уже в могилу пора, а она никак не уgomонится...

– Господи, да как же вы мне надоели, – перебила она его и перешла уже на крик, – вы и правда что два старых маразматика, неужели вам не надоело ругаться всю жизнь, вы ведь сами себя убиваете! Вам по 90 лет, не сегодня-завтра умирать, вы уже еле дышите, а все равно каждый день ругаетесь, господа, зачем вы это делаете? Неужели перед лицом смерти вы не можете успокоиться? Да вы как были эгоистами всю жизнь, так и остались. Вам ведь даже плевать, что идет война, что там отец вашего правнука, что он может быть и умер уже и лежит себе в окопе мертвый, а вам плевать! Вам лишь

бы поругаться друг с другом, – кричала она уже в закрытую дверь, потому что недовольный дед уже спрятался в своей комнате. – Я уже ничего не понимаю, клянусь, – говорила она успокаиваясь, – я наверно с ума схожу, там идет война, совсем рядом, мы все можем сейчас умереть, а эти двое и без войны сражаются друг с другом насмерть, и так всю жизнь, я не понимаю, ну зачем это делать? Зачем они так живут?

Вновь наступила тишина. Битломан молчал, не зная, что и сказать... А потом вдруг повторил снова, как будто это что-то значило:

– Он вернется, обязательно, вот посмотришь.

Она посмотрела на него так строго, что ему невольно пришлось объяснять зачем он то и дело это повторяет.

– Просто, я подумал, ну, если он решил стрелять мимо, то значит найдется и на той стороне такой же чужак. Не один же он такой во всем мире? – закончил он, пытаясь придать смелости своему голосу, но при этом сам от неуверенности заерзал в кресле. Она так и продолжала смотреть на него, но уже совсем другим взглядом. Через мгновение в комнате с шумом заработал холодильник, а женщина тихо сказала «дурак» и выбежала плакать. Как ни крути, но в тот день у него никак не получалось найти нужные слова.

